

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

Луций Анней
СЕНЕКА

Нравственные письма
к Луцилию

МОСКВА

УДК 1(091)«652»

ББК 87.3(0)

С31

Lucius Annaeus Sēnēca

MINOR EPISTULAE MORALES AD LUCILIUM

Перевод с латинского *Сергея Ошерова*

Вступительная статья *Любови Сумм*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Сенека, Луций Анней.

С31 Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека ; [перевод с латинского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 672 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-242444-1

Как сохранить внутреннюю свободу среди тревог и испытаний? Что важнее — богатство или душевное спокойствие, слава или добродетель, долгая жизнь или достойная? На эти и многие другие вопросы отвечает Сенека — выдающийся философ-стоик, государственный деятель и один из самых мудрых мыслителей Античности.

«Нравственные письма к Луцилию» — это собрание писем, адресованных другу и ученику, в которых размышления о философии неотделимы от повседневной жизни. Сенека рассуждает о времени и смерти, счастье и страданиях, дружбе, власти, страхе, человеческих слабостях и пути к внутреннему совершенству. Его мысли отличаются удивительной ясностью, искренностью и практической мудростью, благодаря чему книга воспринимается не как древний трактат, а как живой разговор через века.

Созданные почти две тысячи лет назад, эти письма остаются одним из важнейших памятников мировой философской мысли и по-прежнему помогают читателям находить опору в себе, сохранять достоинство перед лицом обстоятельств и осознанно строить собственную жизнь.

УДК 1(091)«652»

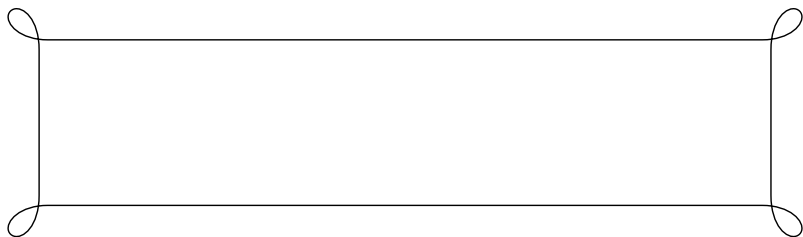
ББК 87.3(0)

© Ошеров С.А., перевод на русский язык.
Наследники, 2026

© Сумм Л.Б., вступительная статья, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242444-1

ДЕЛАЙ ТАК, МОЙ ЛУЦИЛИЙ

Превращенный в музей, кордовский замок все еще носит арабское имя «алькасар». Туристы спешат по недлинному коридору в парадный зал, где Изабелла и Фердинанд принимали чудака, надумавшего кружным путем добраться до Индии; отсчитывают ступени винтовых лестниц — вверх на сторожевые башни, вниз — в застенки инквизиции. Среди рыцарских лат и мраморных статуй, украшающих коридор, памятник Сенеке не слишком приметен. И бронзовый бюст 1839 года, и даты жизни самого философа (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) вроде бы не из этого антуража. Дань уважения «первому из великих уроженцев города», как сказано в путеводителе, но ведь и город уже другой. Где две прямые дороги, с севера на юг и с запада на восток, что перекрещивались в центре, образуя форум? Где сам форум? Где храмы? Вместо римских прямых — арабский лабиринт улочек. А ведь Сенека — горожанин, как всякий римлянин; не пейзаж, но городской ландшафт формировал его душу. И если нет тех зданий, тех стен, исчезли те люди с их неповторимой пластикой, вправе ли Кордова считать себя родиной Сенеки? Или ему одно отечество — Рим?

Вероятно, есть что-то в самом воздухе, в местоположении города, в историческом опыте сошедшихся здесь племен. Не случайно же философ назван «*первым* из великих

уроженцев», с горделивым намеком: великих тут немало. В увековеченную алькасаром эпоху мавританского владычества еврейские книжники мирно уживались с мусульманскими учеными и вместе закладывали основы и восточной, и западной премудрости. Вспоминали Цицерона и Сенеку, переводили Аристотеля и Платона — не с греческого забытого подлинника, а с сирийского — на арабский, с арабского же нетрудно было переложить на латынь для поспешавших в Кордовский университет христиан.

В нескольких шагах от алькасара — собор, главная достопримечательность, как в любом городе Испании, только в Кордове собор именуется «Mezquita» — «Мечеть». Сохранена главная примета мусульманского храма — обращенная к Мекке ниша-михраб, не тронута арабская вязь вокруг нее, грозные имена Аллаха. Бесконечные ряды колонн, и среди этих столпов нет двух одинаковых — различаются либо цветом, от зеленого до красного, либо узором капители. В боковом приделе под стеклом хранятся таблички с именами мастеров — арабскими, еврейскими, испанскими, греческими. А мозаика по обе стороны от михраба — византийской работы: Кесарь из Царьграда прислал равновеликому, пусть иноверному владыке материал и художников. В X–XI веках Кордова с миллионным населением считалась мировой столицей, ровней Константинополю и Багдаду — куда там оскудевшему Риму.

Отвоевав в XIII веке у мавров Кордову, испанцы не решились уничтожить «Mezquita» или перестроить ее в христианский храм. Только часовенку в уголке оборудовали, а когда через три столетия надумали выделить единственно истинной вере пространство побольше и снесли часть колонн, император осудил подобную ретивость: «Вы уничтожили то, чего никогда не сможете создать, ради того, что строится повсюду». И это сказано в том самом XVI столетии, когда вслед за евреями из Испании прогнали и мавров, и на всем злосчастном полуострове утвердилось господство инквизиции — со штаб-квартирой в кордовском алькасаре, в двух шагах от уцелевшей мечети.

Неумолимая уверенность в своей правоте и превосходстве, насильственное подчинение всех единому принципу и странная, чуть ли не вопреки собственной воле бережность к чуждой культуре — таков дух Южной Испании. Ни в античности, ни позднее нигде более на пестром Средиземноморье не сходились столько народов. Римляне звали население Испании «кельтиберами», эдакий гибрид знакомых римлянам кельтов (они пришли на полуостров в X веке до н. э., перевалив через Пиренеи) и явившихся из Африки намного раньше иберов. Добавим к этому рецепту греков, по преданию, зацепившихся за эти берега сразу после Троянской войны, и уж со всей исторической достоверностью — в пору Великой колонизации IX — VII веков до н. э. Не отставали и финикийцы, а с тех пор, как на северном побережье Африки был основан Карфаген, Пиренейский полуостров оказался в сфере его влияния. Кордубе дал имя Гамилькар Барка, отец Ганнибала, в честь одного из сотоварищей. Римляне, отвоевав Испанию у Карфагена, сохранили многое — в том числе это имя.

И если присмотреться, не так чужероден средневековому замку позеленевший бюст «первого из великих». Часть залов отведена под археологический музей, сохранилась мозаика эпохи Августа — ею Сенека любовался в детстве. Внутренний двор замка, неременная черта андалусийской архитектуры, — продолжение римского атриума. А с высоты сторожевой башни виден мост через Гвадалквивир, построенный при Юлии Цезаре. Настил моста многократно перекладывали, но опоры все те же.

Полных два тысячелетия мост служил единственным путем через реку. Надежные опоры выдерживали и рыцарей в латах, и автомобили. Только в середине XX века в помощь ветерану построили новые переправы, и тогда же в помощь многовековой памяти поставили новые знаки: изваяли статую Сенеки — уже в полный рост — у ворот города; отметили мемориальной доской жилище Аверроэса; небольшой бронзовый памятник (чем-то неуловимо схожий с бюстом

Сенеки) установили в честь еще одного местного уроженца (XI века), еврея Маймонида. И не важно, что Сенека был увезен из города младенцем, «на руках у тетки», а его племянник Лукан, скорее всего, родился в Риме и никогда этих мест не видел. Не важно, что семья Маймонида, спасаясь от насильственного обращения в ислам, покинула город, когда мальчику едва сравнялось десять лет. Все дальнейшие перипетии не важны — главное, чтобы корни уходили в эту землю. Кордова помнит своих — и не ради музейной славы, а ради явственного сходства и преемственности между кордовчанами разных столетий.

Их сходство угадал Данте, поместив Аверроэса в лимб, среди великих теней прошлого: «Аввероис, толковник новых дней». Этот житель Кордовы в Дантовом перечне философов — последний, а значит (для тех, кто приходит позже), самый главный толковник, комментатор, переводчик. Из его рук получила Европа Аристотеля и вдохновенно шагнула от схоластики — к Возрождению. Толковниками были и все прочие, кого почтила Кордова статуями и памятниками.

Завершающий юго-западную окраину материка полуостров (да и сама-то Европа — окраина ближневосточной культуры, юный и зачастую неблагодарный побег старинного древа) приобщался к мировой культуре через жадное, неумное чтение. Великие люди этой земли — переводчики и комментаторы, умеющие зачерпнуть чужое, смешать с новым и сделать своим. А можно и проще сказать — читатели.

На исходе Средних веков испанцам бросали упреки (странные, если подумать) в излишней литературности их литературы. Великим испанским романом стала повесть о бедном идалго, который начитался рыцарских романов и попытался воплотить их в жизнь. Но и Сенека, первый испанский писатель, изобличен был в местном пороке — примате литературы над действительностью. Персонажи его трагедий вторичны, пришли не из опыта и не из мифа, а из греческой трагедии, из давно уже написанных и многократно прочитанных текстов. «Его Медея читала „Медею“

Еврипида», — насмешничал немецкий профессор. Все верно — и Рыцарь Печального Образа уже встретился в лабиринте страниц с самим собою. Но из всех рыцарских романов этот, пародийный — для нас едва ли не единственный, через него мы прочитываем все романы. Так и драмы Сенеки отворили Европе давно захлопнувшуюся дверь греческой драмы; его трактаты и письма — щелочка, через которую Европа заглядывала в философию. Этот уроженец Кордовы — последний в ряду римлян, на протяжении двух столетий, от Лукреция и Цицерона, одомашнивавших греческую премудрость. Он-то и одомашнил эту премудрость настолько, что и сегодня мы тянемся к такому чтению.

Вся римская литература создавалась в присутствии греческой. Римская поэзия начиналась с перевода «Одиссеи», который Ливий Андроник (тоже не римлянин, а грекоязычный пленник) выполнил преимущественно для школьных нужд. В первую очередь перенималась даже не литература, а греческая система образования: детей следовало усадить за книгу, а книги у римлян не было. Однако на школярской «Одиссее» выучились и первые поэты, начали сочинять героический эпос уже про своих героев и перелицовывать греческие драмы.

Античная драма не увлекалась новизной сюжета. Трагедия разыгрывала одни и те же мифы, комедия тасовала небольшой набор типичных персонажей, который могли перекочевывать из пьесы в пьесу, так что особых открытий в этой сфере никто от римлян и не требует. Открытием — римским открытием — стало как раз осмысление этой вторичности, пришедшее очень рано. Уже комедиографы II века до н. э. в прологах отстаивали право по-своему сочетать сцены из разных греческих произведений (порой даже разных авторов), именно в силу типичности этих сцен и заявляли: «В конце концов, не скажешь ничего, что не было бы ранее написано». Когда произошло подобное осмысление в трагедии, мы не знаем: Сенека — единственный римский автор, чьи трагедии сохранились, а ставились они в Риме еще во II веке до н. э.

Для Сенеки вторичность сюжета, разумеется, была очевидна: двойная вторичность, вторичная вторичность, ведь он использовал самые известные греческие мифы — о Медее, об Агамемноне, — многократно перепетые как греками, так и римлянами. Но вправе ли *персонажи* догадываться о том, что их драма «уже была»? Диагноз немецкого профессора поставлен на основании краткого обмена репликами. Кормилица, исчерпав все доводы против детоубийства, закликает:

— Медея! — Мольба, попытка образумить, назвав человека по имени, заставить его «прийти в себя», стать собой. И Медея отвечает: да, я становлюсь собой.

— Fiam! — «Стану, сделаюсь».

Ибо она читала «Медее» Еврипида и знает, что «стать Медеей» — значит убить своих детей, такой ценой отплатив изменнику Ясону.

Правда, и при чтении Еврипида создается порой впечатление, что персонажи знакомы с мифом. В «Ифигении в Авлиде» Клитемнестра умоляет Агамемнона спасти их дочь, не приносить ее в жертву ради благополучного плавания под Трою, иначе кто знает, как прорастет горе и ненависть к мужу, не ждет ли страшный прием полководца, когда тот вернется из-под Трои. Клитемнестра Еврипида догадывается, что в мифе ей отведена роль мужеубийцы, и просит не доводить ее до греха — «не делать ее Клитемнестрой», могли бы мы сказать, но как раз эти слова и не сказаны, а в них принципиальное отличие «читавшей Еврипида» Медее от «не читавшей» Клитемнестры. В этом — и в том, что Медея не уклоняется от судьбы, а принимает ее с решительным, чисто римским fiam.

От сценической иллюзии Сенека заведомо отказывается. Большинство исследователей считает, что его драмы и не предназначались для сцены, а были декламациями, упражнениями в красноречии или в моральной философии — похожие упражнения писал уже его отец, Сенека-Ритор. Однако нарушение иллюзии весьма своеобразное — Медея сама распоряжается своей судьбой, осознанно, по-римски,

принимает и завершает свою судьбу. Из всех иллюзий разрушается самая старинная и упорная — иллюзия авторского произвола. Персонаж становится вровень с автором.

Но если так, не значит ли это, что автор отчасти утрачивает свою реальность, «плотность»? Не оттого ли Данте поместил Сенеку в Лимбе не рядом с политическими деятелями Рима, хотя воспитатель Нерона, пять лет правивший империей от имени юного Кесаря, мог бы претендовать на эту честь, и не среди поэтов, хотя почему бы автору трагедий не занять место подле своего племянника, столь чтимого Дантом поэта Лукана? Даже не поблизости от греческих философов — римских философов как бы и нет, зато греческими, нечитанными, известными лишь по имени, Данте наполняет целую строфу. Нет, среди этих почти призраков, от которых уцелело только имя, не нашлось трех слогов для Сенеки. Он, а также «Туллий» (то бишь Цицерон) помещены близ Лина и Орфея, мифологических персонажей, принадлежащих глубочайшей древности. Между героями, вымышленными, как Медея Сенеки. Даже вымышленное — возможно, Данте этого не знал, однако Аристотель, «учитель тех, кто знает», верил в историчность Агамемнонов и Ясонов, но отрицал реальность Орфея. Два брата, основатели поэзии, философии, религии. Орфей — величайший из поэтов, создатель первого в Европе учения о загробном существовании души. Лин — музыкант и сподвижник брата, он даровал человечеству долговременную память, изобретя письменность (скорее всего, иероглифическую), чтобы запечатлеть орфические наставления. Точное содержание орфизма скрыто под многочисленными наслоениями, но в нем, как представлялось античности и Средневековью, имелось все необходимое: синкретизм восточных и западных элементов, синтез философии, религии и поэзии, мистики и обрядности. Как и Орфей, спускавшийся в Аид за Эвридикой и научивший людей таинствам, которые помогают то ли вернуться из подземного царства, то ли обрести в нем лучшую участь, Лин тоже имеет отношение к мифам о смерти и воскрешении.

И внутри второй пары — Сенека и Цицерон — обнаруживается тесное родство. Быть может, даже кровное — мать Цицерона и мать Сенеки носили одинаковое родовое имя «Гельвия». Не исключено, что среди колонистов, осваивавших во II и I веках до н. э. Иберию, были переселенцы не только из Рима, но также из италийского Арпина, откуда родом Цицерон. Но важнее, конечно, «функциональное» сходство. Два главных римских автора, чьи произведения заполнили больше полок, чем все остальные латинские прозаики, вместе взятые. Два философа, переводившие, толковавшие, применявшие к обстоятельствам политической и частной жизни Рима греческую философию. Оба — знаменитые в свою пору адвокаты и ораторы, оба не устояли перед соблазном политической карьеры, оба в итоге погибли, и даже в гибели их есть сходство: Цицерон увлекся идеей воспитать идеального правителя из Октавиана (будущего Августа) и был им предан, Сенека пытался воспитать идеал из Нерона и был осужден им на смерть.

Но чем мощнее сближение в каждой паре, тем больше недоумение: каким же образом Данте выстроил из них квадрат? Или он поставил рядом родоначальников греческой философии и ее завершителей, первопроходцев и переводчиков? Или миф об Орфее каким-то образом применим к Цицерону и Сенеке?

Родоначальник и вместе с тем воскреситель. Создатель нового, возвращающий забытое. Человек, в поисках утраченной любви нисходящий в обитель Аида, перечитывающий книги давно умерших авторов, говорящий от своего имени — чужие слова. Кто же это? Переводчик. Толковник. Составитель энциклопедии, комментария. А еще вернее — автор учебника.

Читательская традиция двусторонняя. Одна ее линия воплощает в жизнь литературу, пытается вернуть прежде написанное, другая — превращает в литературу мимолетную жизнь, хочет сохранить уходящее в небытие.

Немыслимое множество народов прошло через Пиренейский полуостров, и от каждого осталось хоть что-то, как имя «Кордова» — от карфагенян (имя — тоже немало, если учесть взаимное ожесточение сторон в Пунических войнах). Даже от вандалов осталось здесь более славное имя, чем вошедший в словарь «вандализм»: их краткое пребывание отложилось в названии АльАндалус — Андалусия. Единственная история почти бесследно сгинувших вандалов написана Исидором Севильским в соседнем с Кордовой городе — городе схожей судьбы.

Здесь, в Иберии, римской провинции Бетика, халифате АльАндалус, пролегла не только пространственная граница между цивилизациями, но и временная: сменялись империи — карфагенская, римская, христианская, мавританская и снова христианская — и на каждом витке истории составлялись хрестоматии и энциклопедии, аккуратно упаковывались накопленные сокровища.

Едва ли не последний компендий античности и раннего христианства и один из самых полных, «Этимологии» (или «Начала»), был составлен тем же Исидором Севильским. Двадцать томов вместили в себя семь свободных искусств и перечень ересей, основы медицины, биологии, химии и математики, географические сведения о земле и эмпириях — в общем, понятно, почему именно этого святого Папа Римский в 1999 году назначил покровителем Интернета.

Прав был Исидор, назвавший подведение итогов «Началами». Конец античного и раннехристианского мира обернулся началом, из Андалусии возвращались в Европу заново переведенные греки и по-новому понятые римляне. Возвращались кружным путем, на запад через восток, словно аргонавты, а через запад снова устремлялись к востоку, словно Колумб. Из рук иноверцев греки возвращались с ореолом эзотерического, не для всех, знания. Перед ароматом Востока европеец не мог устоять никогда — ни в пору египетских паломничеств Платона и Аристотеля, ни в те времена, когда римляне повально справляли обряды Диониса, Кибелы, Митры, ни в крестовых походах, ни в вечных

своих устремлениях в Индию — хоть прямым путем, как Александр Македонский, хоть кружным, хоть через Россию, как мечтал Наполеон. Что-то свое мы безвозвратно забыли на Востоке, без чего-то чужого никак не можем стать самими собой. Греки несли Европе эту щепотку соли, а вслед за греками — евреи и мавры.

Постоянное присутствие римлян на книжной полке не всегда служило к их выгоде: школьное, общедоступное чтение мало кто ценит. Из такого чтения личной заслуги, личного открытия не возникало. Другое дело — греки. У них какая-то странная склонность проваливаться в небытие и возвращаться каждый раз в новом качестве. Любое мироздание, всякий строй толкований, любая система суждений, все знания, от этики и логики до математики, медицины и богословия никуда не годились без Платона или Аристотеля. Каждый век по-своему прочитывал этих Платонов — кажется, то были именно «Платоны», а не «Платон». И тут уже усомнишься, в самом ли деле это «один и тот же философ». Каждый век вновь вызывал их из небытия, находил новых посредников, ведь и язык, и реалии, и смысл «исконных» Платона с Аристотелем утрачены, и мы так же не можем прочесть их, как не мог их прочесть не владевший греческим Данте. Даже если выучить язык, до подлинника не доберешься: мы получили эллинских философов из чьих-то рук, окольным путем, и нелегко будет восстановить их первоначальный облик и смысл. А восстановив, не обрадуемся: «настоящий Платон», «настоящий Аристотель» не совпадут со столпами нашей культуры, как они нам представлялись.

А если так, кто дал нам эти основы и вправе ли мы впредь полагаться на них? И еще одна серьезная проблема для европейской культуры, в особенности западной (Россия хотя бы может опереться на византийскую преемственность): с какой стати вообще древние греки стали «нашими»? Они вошли обязательным элементом в европейское преподавание, столетиями присутствовали в нем, до сих пор изучаются в хороших школах Англии, Германии, Франции, Италии не в рамках специальной филологической подготовки, а имен-

но в составе общего, гуманитарного образования. И в России еще не вовсе угасла мечта вернуть классические гимназии. Но почему вдруг греки, а не египтяне или японцы?

Мы осознанно именуем свою культуру иудео-греко-романской, в ее многосоставности видя залог толерантности, общечеловечности, возможности дальнейшего развития. Но как хрупки скрепы с греческой составляющей! Интерес, проявленный к Платону и Аристотелю Маймонидом, — оказывается, греки необходимы для библейской экзегезы. Труды «толковника новых дней» — оказывается, Платон с Аристотелем актуальны. В XII веке Европа опомнилась и бросилась читать давно забытых греков. И не только читать — интегрировать в свою литературу и философию.

Ни арабы, ни средневековые европейцы не имели особых «прав» на греков, но уж скорее их наследники арабы, чем германцы. Исторически эллины были обращены лицом на Восток; свою премудрость они черпали из Вавилона и Египта, в те же края отправились, надумав покорять мир. Империя Александра Македонского — гораздо более афро-азиатская, чем европейская. И хотя греческие колонии были рассыпаны по всему побережью Европы, в том числе и в Иберии, там их культурное влияние особо не заметно. На греческом языке заговорил Восток, и в свой черед — вместе с землей — Платона и Аристотеля получили арабы. Чтобы отобрать греков у неверных, поместить их в христианском лимбе, понадобились римляне. На исходе Средних веков римлян вновь начали ценить, «сквозь» них различив греков, — ценить в качестве учебников. То, что казалось забытым и ненужным, обрело современный интерес — тут-то и были призваны «воскресители», Туллий и Сенека.

Сенека и Цицерон, два переводчика, помещенные Данте подле Орфея с Лином, да Вергилий с Горацием, если говорить о поэзии, — вот и все ниточки, привязывающие европейца к эллинству. На двух римских «толковников», Туллия и Сенеку, — десятки имен греческих философов, о которых и Данте, и мы не так уж много знаем. Знаем главное: они были упомянуты в этих учебниках.

На протяжении долгих веков греческая культура была мертва, преемственность утрачена. Все, что происходило в Кордове и расходилось из нее концентрическими кругами, захватывая арабский, еврейский, христианский мир, было не преемственностью, а воскрешением. И чудо воскрешения, труд воскрешения начался задолго до Аверроэса и Маймонида, усилиями двух Сенек — Старшего, Ритора, и Младшего, Философа.

Может быть, нашу культуру следует именовать иудео-арабо-романской, поскольку эллинизм растворилось в этих ее элементах? Может быть, нашу культуру следует признать Иберийской? Не поспособствует ли это разомкнутости, готовности принять дальше и давнее — тому, за что мы так ценим нашу иудео-греко-романскую культуру и все еще, вопреки страшному опыту последнего столетия, уповаем на нее?

Признавая вторичность своей литературы, именно в этой осознанной вторичности римляне видели свое призвание и первородство. Гораций воздвиг себе памятник прочнее меди и превыше пирамид — переложениями «на италийский лад» песенных размеров греческой лирики. За переложение греческих мифов претендовал на бессмертие Овидий — в выражениях, очень похожих на Горациевы: римляне почему-то любили говорить о своем первенстве в повторении еще и чужими словами. Но притязания Овидия и Горация (как-никак весьма серьезных реформаторов поэтических метров и тем) меркнули на фоне похвалы Лукреция и Вергилия. «По бездорожным полям Пиэрид я иду... где ничья не ступала нога», — заявил один из этих авторов, и почти слово в слово — другой. А эти никем не освоенные просторы — у Лукреция стихотворный учебник эпикурейской философии, у Вергилия — «Георгики», пособие по сельскому хозяйству.

Но и это еще не вполне учебники, их роль скорее пропедевтическая: не помочь в освоении предмета, но заинтересовать, вдохновить. Им недостает практичности и знания предмета, и уж никак не предназначены эти поэмы для си-

стематического преподавания. В I веке «до» время систематического образования еще не настало. Настало оно в I веке «после» — время обоих Сенек, Ритора и Философа.

Отец, Сенека-Ритор, был энциклопедистом и любителем старины: сочинял образцы риторических выступлений на всевозможные исторические и мифологические темы («Свазории и Контroversии»), коллекционировал речи великих ораторов (это историческое сочинение до нас, к сожалению, не дошло). Труд Сенеки-Ритора завершился на исходе I века «испанец» Квинтилиан, выстроивший 12-томное «Воспитание оратора» — самый влиятельный педагогический труд поздней античности.

В отличие от школьного учителя — иноземца, бедняка, не слишком-то уважаемого ремесленника, — римский адвокат не брал с учеников деньги. Воспитание оратора было действительно воспитанием и составляло часть семейных и социальных отношений: молодые люди собирались вокруг известного оратора, сопровождали его в суд и на форум, учились на практике, помогали, чем могли, а вечером садились с ним за общий стол. Однако в провинции политическому красноречию развернуться было негде, да и судебные дела вряд ли достигали особого размаха. Молодым землякам Сенеки Старшего недостаточно было слушать его в суде; нужно было систематически передавать им тот опыт, который сам он приобрел двадцатью годами ранее, обучаясь в Риме. Систематизация опыта подразумевала превращение эмпирики в теорию и упражнения, то есть в «Свазории и Контroversии», а для подкрепления теории вполне могло пригодиться историческое сочинение. Собственно, по такому принципу — теория и практика плюс история предмета — строятся учебники до сих пор.

Неизвестно, брал ли Сенека Старший плату за обучение у себя на родине. Во всяком случае, новое для его эпохи дело профессионального преподавания ораторского искусства показалось Ритору перспективным, и он переехал в Рим, рассчитывая там заработать и стяжать уважение своим ремеслом, да и насчет сыновей питал честолюбивые планы.

Во внешних формах своей профессии — можно сказать, в самом изобретении этой профессии — Сенека оказался первооткрывателем. Насколько необычной казалась идея учить красноречию (делу столь же обязательному для гражданина, как военная подготовка), можно судить по словам самого учителя: не постыдно брать плату за то, чему не постыдно учиться. Но вот что касается содержания — тут Сенека Старший (опять же, как многие испанцы) консерватор. Политическое красноречие ценилось в Республике, при императорах оно быстро угасало. Не слишком-то процветала и судебная риторика, поскольку юридические доводы и убедительность речи мало что могли против влияния фаворитов, подозрительности правителя и козней профессиональных доносчиков (и такая появилась профессия). Чему же учил Сенека столичную молодежь? Он мог учить ее лишь тому, что знал сам: каким должно быть искусство красноречия, каким оно было прежде, во времена Республики. Он отстаивал некое идеальное прошлое, вряд ли существовавшее в действительности, но еще более ценное и любимое как раз в силу своей несбыточности.

Жанр учебника парадоксален, и парадокс этот близок испанской душе. Консервативное содержание — и новая, только что открытая форма. Опыт прошлого — для юного поколения.

Не дошедшую до нас историю красноречия Сенека-Ритор посвятил сыновьям, так что это был в полном смысле слова личностный учебник — как и «учебники», то есть послания и трактаты, написанные его сыном.

Вряд ли Сенека Старший мог выбрать более удачное время для завоевания столицы. Старинные римские семьи были по большей части истреблены в гражданских войнах, уцелевших добивали кесари. Бюрократический аппарат империи намного усложнился: территория выросла в несколько раз благодаря завоеваниям Юлия Цезаря, появились новые сферы управления — императорское хозяйство, снабжение Рима, преторианская гвардия. Ключевые должности запол-

няли новые люди — доверенные вольноотпущенники, выслужившиеся из рядовых офицеры, провинциалы.

Италийцы, жители «Ближней Галлии», то бишь Северной Италии, и, наконец, уроженцы Испании — примерно в такой последовательности образовывались в Риме новые влиятельные землячества. Испанцы оказались едва ли не самыми успешными, их консерватизм шел на пользу — Август и его преемники возрождали «республиканские ценности». Сенека-Ритор обрел популярность, удачно выдал замуж своюченицу (ее муж стал губернатором Египта, одной из важнейших провинций в ту пору: Египет снабжал Рим зерном).

Три сына получили блестящее образование. Старший был усыновлен близким другом и коллегой Сенеки и вошел в историю (в том числе христианскую) под именем Галлиона. Тот самый проконсул Ахайи, который не пожелал выслушивать ни обвинения евреев против Павла, ни проповедь Павла: «Когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами». Удивительный (и в том мире, и в нашем) пример полной свободы совести — и для других, и для себя. Вероятно, это воспитывалось в семье.

Детям в семье Аннеев предоставляли большую свободу личного выбора, что не так уж характерно для той эпохи. Младшему, Меле, разрешили обойтись без профессии и карьеры. Сколоченное отцом состояние обеспечило спокойную и бездеятельную жизнь — присматривать за имением, читать книги, помаленьку философствовать. Анней Мела был отцом Лукана. Казнили его, ни к чему не причастного, вместе с братом и сыном.

Более требователен был отец к среднему сыну — ему он дал свое имя, рассчитывая вырастить преемника. Луций Анней Сенека Младший с раннего детства, на радость отцу, проявлял редкие способности к красноречию, легко учился. Не препятствовали родители и его интересу к философии (философское образование считалось обязательной гуманитарной подготовкой для будущего оратора), лишь бы этот интерес не заходил чересчур далеко. Сенека посещал лекции стоиков, чуть не переселился в дом пифагорейца Сотииона

и под его влиянием практиковал вегетарианство. Вот это показалось отцу уже излишним: юноша и так был слаб здоровьем, а тут и вовсе исхудал, к тому же сменивший Августа на троне подозрительный Тиберий мог принять соблюдение пищевых запретов за восточную ересь, каравшую ссылками и казнями. От греха подальше Луция отправили в Египет, к мужу тетки.

Эти вроде бы незначительные подробности ранних лет тем и дороги, что Сенека вспоминает о них и в зрелые годы, и незадолго до смерти. Подобных деталей не дождешься от его предшественников: если они и сообщали что-то о себе, то либо строки из *curriculum vitae*, либо «моменты истины», откровения, радикально менявшие жизнь. При чем тут младенчество и бытовые мелочи? Среди прочих изобретений припишем Философу и это — изобретение личной памяти. Не родовой, не исторической, по необходимости избирательной, а той памяти, что связывает ребенка со стариком.

У любимой тети и ее мужа Луций жил спокойно. Исцелился от хронического бронхита, узнал немало нового — уроженец западной окраины империи обязан проявить любопытство, попав на восток. Возможно, проникся идеей божественного царя: кое-какие сумасбродства Нерона, отождествление себя с Аполлоном, строительство Золотого Дворца очень даже пахнут культом фараона-солнца и могли быть подсказаны Сенекой. Но все эти нероновские закидоны так противны, что не хочется доискиваться до их символики, а тем более приписывать ее влиянию Философа. Кстати, об этом периоде своей жизни сам Сенека сообщает немного.

В Египте Сенека благополучно пересидел Тиберия, а возвратившись в Рим, начал успешно и быстро делать карьеру, на радость отцу, который дождался-таки избрания сына в сенат. Вскоре Сенека-Ритор умер — было это около 40 года н. э. Он прожил долгую жизнь — Сенека Младший отмечает большую разницу в возрасте между отцом и матерью, а если учесть, что сам он родился чуть раньше рубежа